

О РОЛИ ПОСЛОВИЦ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

© Р.Р.Замалетдинов, Г.Ф.Замалетдинова

В данной статье описывается место и роль пословиц в анализе наивной картины мира.

Ключевые слова: менталитет народа, пословица, потенциал пословичных выражений, наивная картина мира.

В современной лингвистике продолжается процесс переосмысления роли языка в генерировании и функционировании основных механизмов когниции человека и культуросозидательной деятельности. Язык при этом понимается как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации, и функциональное описание в данных исследованиях совмещается с когнитивным подходом, осуществляется на широком социокультурном фоне.

Одним из аспектов современных исследований становится комплексный анализ ключевых культурных концептов на материале отдельного языка, безусловно, являющийся обязательным в вычленении этнических особенностей менталитета разных народов. Необходимость детального выявления национально-культурной специфики ассоциативного мышления представителей различных лингвокультурных общностей обусловлена тем, что анализ наивной картины мира является надежным средством исследования национально-культурных особенностей языкового сознания носителей тех или иных языков и культур.

Каждый этнос приобретал опыт и знания в труде, наблюдениях за природой, окружающей средой и за взаимоотношениями людей. Словесным выражением этого стали пословицы, в которых отражен и закреплен многовековой социально-исторический опыт именно того или иного народа. Как отмечает В.П.Аникин, не каждое "изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они утверждают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина" [1: 6].

Очевидно, что стиль мышления этноса, его менталитет не обязательно существуют как документально зафиксированные нормативы и директивы, а проявляются в негласных предписа-

ниях – пословицах. Пословицы разных народов, оперируя схожим набором положительных и отрицательных стереотипов, ценностей и антиценностей, тем не менее, испытывают на себе влияние образа жизни народа, особенностей его мышления. В пословицах и поговоркахшла свое отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека, его бытийного состояния. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях – во всем своем совершенстве и величии и во всех своих неприглядных качествах.

По утверждению В.Даля, "простой народ упорнее сберегает и хранит исконный быт свой, и в костности его есть и дурная, и хорошая сторона" [2: 7]. Пословичные выражения – сгусток трудового, нравственного и эстетического опыта этноса, сжатого в мудрые изречения. Это житейская философия народа, регламентирующая поведение индивида в перипетиях социальной жизни. Национальное своеобразие афористического фольклора выражается в присущем каждому народу особом взгляде на действительность, в особом исторически складывающемся восприятии мира, в характере поэтических обобщений. Именно поэтому с помощью пословиц можно приобщиться к образу мыслей другого народа, приблизиться к постижению своеобразия национального характера, национальной системы ценностей.

Бесчисленные поколения людей, создававшие и передававшие пословицы, – люди в большинстве своем неграмотные, для которых короткие языковые афоризмы были оптимальной формой аккумуляции и трансляции жизненного опыта и наблюдений. Поэтому в своей предельно краткой формулировке пословицы конденсируют социально-исторический и житейско-бытовой опыт народа как многотысячного коллектива. Пословицы – элементы коннотативной системы языка, то есть системы, "план выражения которой сам является знаковой системой и составлен из значимых двуплановых единиц, обладающих собственным планом выражения и планом со-

держания" [3: 115]. Следовательно, ценен не только буквальный перевод пословицы, который вскрывает ее наглядно-чувственную основу и внутренний образ. Для нас важно и то, что изречения данного типа отсылают нас к морали, к тем представлениям об этических нормах, которые главенствуют в данном языковом континууме.

Пословицы лаконичны и предельно сжаты, часто композиционные части располагаются параллельно и симметрично. По этой причине пословица исключительно насыщена смыслом во всех своих деталях: *бәхетне юлдан эзләмә, белемнән эзлә* (букв. ищи счастье не на дороге, а в знании), *алтын кирәк түгел, акыл кирәк* (букв. нужно не золото, а разум), *уку кешене күзле итә* (букв. учение делает человека зрячим), *һөнәрле кеше үргә йөзә* (букв. обладающий ремеслом плывет против течения) и др.

Пословица, являясь синкретичным по природе образованием, совмещает в себе черты как свободного, так и фразеологически связанного сочетания [4: 176], что затрудняет определение ее статуса. Поэтому в современной лингвистике дискуссионными остаются вопросы о включении или невключении пословиц во фразеологическую систему языка, о специфике их знаковой природы, а также проблема разграничения пословиц и поговорок, пословиц и крылатых выражений [5: 9].

Ряд лингвистов считает, что пословицы исключаются из области собственно фразеологии. По мнению В.П.Жукова, "от фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении", поскольку они являются законченными предложениями. Он также указывает на смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость и другие конструктивные признаки предложения, отличающие пословицу от фразеологизма. По его мнению, важно и то, что основу пословицы составляет не понятие, как у фразеологизмов, а суждения [5: 9].

Как подчеркивает В.Н.Телия, двуплановость пословиц – это лишь условие жанра, основанное на притчевом характере пословиц, а вследствие внутриязыковых закономерностей; это идиоматичность относительно прямого значения, выраженного в буквальном смысле подобных выражений, но "с таким же успехом можно говорить об идиоматичности загадок, заклинаний, ритуальных формул, обычаев и других единиц фольклора" [6: 73-74]. Воспроизводимость пословиц рассматривается исследователем в аксиологическом ключе как своеобразное цитирование мнения народа о какой-либо ценности или анти-

ценности. При этом отмечается, что паремии воспроизводятся не как единицы языка, их значение формируется в фольклорно-оценочной среде, так как их денотация – не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей.

Итак, несмотря на то, что большинство лингвистов, занимающихся проблемами паремиологии, фразеологии или фольклора, давали свое определение пословицы, строго научное или же поэтическое, можно сказать, что их универсальной, общепринятой дефиниции на сегодняшний день все еще не выработано. Тем не менее все ученые признают, что пословицы представляют собой чрезвычайно ценное явление для современной науки и обладают большим эвристическим потенциалом для культурологии, этносемантики и когнитивной лингвистики.

Несмотря на древность происхождения, пословицы – наследие не устаревшее, а живое, входящее в нашу жизнь и в нашу речь. Можно утверждать, что народная культура, важной составной частью которой являются пословицы, близка к тому, что называют ментальностью. Она формируется в детстве в отношениях ребенка с родителями и другими людьми, в общении с природой, в религии, в повседневной жизни, в процессе включения человека в общество и усвоения им обычаев, представлений, способов поведения и ценностных ориентаций. Народная культура – феномен, формируемый на протяжении многих столетий, поэтому достаточно консервативный, устойчивый. Она прочна и по своему замкнута, изменения в ней происходят достаточно медленно, а революционные скачки относительно редки.

В отличие от других жанров фольклора, пословица содержит детально разработанную систему нравственно-этического характера на тему добра и зла. Она последовательно утверждает примат доброты: *яхшы жыяр, яман жуяр* (букв. добрый разбогатеет, злой лишится); *яхшы белән яман арасы – жир белән күк арасы* (букв. между хорошим и плохим – как между землей и небом); *яхшы белән юлдаш булсаң, эшең бетәр*; *яман белән юлдаш булсаң, башың бетәр* (букв. если будешь попутчиком у хорошего, завершишь свои дела; если будешь попутчиком у плохого, потеряешь голову); *яхшыдан өйрән, яманнан жирән* (букв. учись у хорошего, презирай плохого) и др.

В татарских пословицах часто утверждается бескорыстный характер истинного добра: *яхшылык ит тә мәңгегә оныт* (букв. сотвори добро и навсегда забудь об этом); *яхшылык ит, каршысына яхшылык көтмә* (букв. твори добра, но не жди добра в ответ); *яхшылык эшләгәннене*

үзең әйтпеп белдермә (букв. не разглашай о том добре, которое сотворил) и др.

Добро и зло трактуются в философии как фундаментальные категории этики: "добро – наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности; является противоположностью зла. Идея добра фиксирует содержательную определенность свободной воли человека. Это то, что сделал бы человек, если бы все зависело от его воли. Наряду с понятиями свободы и Бога Добро является важнейшим смысложизненным понятием. В рамках морального освоения мира Добро играет такую же роль, какую в рамках научного познания играет истина, а в рамках художественного – красота" [7: 139]; "зло – наиболее общее оценочное понятие, обозначающее отрицательный аспект человеческой деятельности, то, что подлежит ограничению и преодолению; является противоположностью добра. Злом именуется все, что оказывает разрушающее воздействие на человека в его природных и общественных проявлениях; в более широком плане оно отождествляется с жизнеотрицанием" [7: 146].

В приведенных выше определениях подчеркивается универсальный и общезначимый характер рассматриваемых категорий. При этом для нас существенно то обстоятельство, что формирование "пирамиды" ценностей в значительной мере определяется принадлежностью к какому-либо народу, т.е. для комплексного описания существующих систем ценностей необходимо учитывать общность языка и мышления, важнейшие особенности национальных культур.

В целом ряде образных пословиц, осуществляющих образную когнитивную обработку определенных знаний о мире, можно открыть не только элементы социально-этнических норм, но и увидеть в них по-своему преломленную систему общечеловеческих положительных и отрицательных оценок, отражение общемирового разума человечества, т.е. реальную действительность, которая прошла через фильтр сознания целого этноса и нашла свое выражение в поговорках. Также пословицы, оперируя схожим набором положительных и отрицательных стереотипов, ценностей и антиценностей, добродетелей и пороков, испытывают на себе влияние образа жизни, образа мышления этноса. Культурно-языковые характеристики пословиц являются важным компонентом национальной культуры, отражают специфику национальной картины мира и могут быть исследованы при межъязыковом сопоставлении культурных концептов.

Пословицы позволяют расширить рассмотренные средств вербализации концепта от отдельно-

го слова до предложения. Современное понимание пословиц как репрезентантов устойчивых структур сознания вполне позволяет это сделать. Являясь особыми единицами вторичной номинации, они репрезентируют когнитивную обработку некоторых знаний о мире и человеке, выступая одним из способов языкового отражения концептуализации и категоризации мира.

Однако пословицы не только отражают в концентрированной форме опыт этноса, знания, систему оценок, но и дают возможность исследовать развертывание комплексов ассоциативных связей, лежащих в основе восприятия мира. Пословицы воплощают стойкое представление этноса об определенном концепте, в пословице фигурируют лишь те концепты, которые являются общезначимыми для данного этноса. Представленность концепта в пословице – подтверждение того, что он имеет свою нишу в когнитивной системе культуры этноса.

Большей частью пословицы обращены к человеческой нравственности – поискам и определению содержания таких понятий, как добро, зло, ложь, гнев, сострадание, терпение, смирение и др. В пословицах отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения, идеалы, характерные для национальной культуры. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований стимулирует исследование паремнологического фонда языка как источника информации о менталитете народа и особенностях его культуры.

Своеобразно выражается императивный характер пословиц – они назидательны уже по своей форме, дают советы, убеждают, воспитывают качества, наиболее ценные с точки зрения представителей конкретного этноса.

Огромный потенциал пословичных выражений в практике преподавания языка, приобщении обучаемых к культуре народа – носителя изучаемого языка. Разумеется, роль пословиц в лингводидактике не должна быть сведена к удобному фразовому материалу, она должна определяться актуальными научно-теоретическими и методическими установками.

Как известно, мир культуры является миром ценностей, которые находятся в определенной иерархии. Понятие ценности чрезвычайно значимо для уяснения специфики культуры, поскольку ценности организуют и упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление аксиологическое измерение, придают смысл человеческой жизни. По отношению к артефактам, феноменам культурной и социальной жизни применение оценочных моментов очевидно. По-

вседневность – это область житейских "малых дел", быта, привычных занятий и развлечений, трудовых будней и праздников, которая координируется определенными правилами и подлежит постоянной оценке.

Наличие множества человеческих потребностей, способов восприятия, родов деятельности объясняет существование разнообразных оценок, существуют объекты, имеющие большую ценность, меньшую ценность или не имеющую ценность вообще. Ценность "является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта" [8: 507]. С формальной точки зрения ценности делятся на позитивные и негативные, на относительные и абсолютные, на объективные и субъективные. Очевидно, что изучение системы ценностей этноса является необходимым этапом выявления специфики мировоззрения этноса. С этих позиций именно пословицы представляют большой фактологический интерес как богатейший материал для исследования системы ценностей и антиценностей.

Ценностно-ориентированный и практико-преобразующий характер деятельности человека предполагает особый способ духовного освоения мира и его феноменов, их символическое и вербальное обозначение. Слово – ядро знаковых систем, моделей, которые объясняют человека, мир человека и одновременно его конституируют.

Объектно-субъектный характер оценки определяет взаимосотнесенность рациональной составляющей (насколько это убедительно) и эмоционального компонента (эмоции, связанные с оцениваемым объектом), которые находят отражение в пословицах. Объективность оценки связана с тем, что она отражает особенности объекта и связана с реальной потребностью членов языкового коллектива в том, что оценивается. Субъективная же сторона связана с целеполаганием отдельного индивида. Например, в пословицах и поговорках четко прослеживаются следующие типы оценок:

1) этическая оценка, в первую очередь связанная с традиционной народной моралью (*тәүфыйк – изге юлдаш* 'благочестие – священный спутник'; *төсең кара булса да, күңелең ак булсын* 'если ты даже внешностью черный, душа должна быть белой, чистой');

2) эстетическая оценка, обусловленная этническими стереотипами оценки внешней стороны явлений, обыденными представлениями о красоте (*ак матур – чак матур, кара матур – бик матур* 'светлая красавица едва красива, смуглая красавица очень красива'; *матур һәркемнең*

йөрәгенә ятар 'красивая всем по сердцу'; *битен матур булмаса, күзегә үпкәләмә* 'если лицом не красива, на зеркало не обижайся');

3) функциональная оценка с точки зрения ответственности объекта своему назначению (*матурлык туйда кирәк, акыл көн дә кирәк* 'красота нужна на свадьбе, разум нужен каждый день'; *аулак өйдә кыз сайлама, урак кырында сайла* 'не ищи невесту на посиделках, а ищи ее на поле жатвы').

Однако поскольку традиционное народное сознание часто не дифференцирует типы оценок, в паремиях мы часто обнаруживаем синкретизм оценок, их нерасчлененный или же комплексный характер: *батырлыкта – матурлык* (букв. красота в отваге), *йөзе күркәмнең холкы күркәм* (букв. у приятной на внешность добрый нрав), т.е. формы эстетической оценки используются для этической.

Нас в первую очередь интересует оценка этическая, поскольку она прямо отражает стереотипные морально-этические нормы, принятые в обществе. Нормы поведения, предписания, запреты составляют своего рода неписанный аксиологический кодекс, принятый в той или иной социокультурной среде. Нормы поведения выражают специфику той культуры, в которой они функционируют. Необходимо отметить, что для того, чтобы установить цельное представление о социокультурных нормах общества, данных только лингвистики, безусловно, недостаточно. Необходимо привлечь более широкий круг источников, например, наиболее популярные литературные сюжеты, сведения о нормах права, материалы социологических опросов и анкетирования, сведения по ритуально-обрядовой деятельности. Вместе с тем данные паремиологического анализа имеют несомненную значимость для определения специфики культурных концептов. По сути, норма культурная, укорененная в ментальности – это гораздо больше, чем правило, которое может быть формально-юридическим. *Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло*, – говорит русская пословица, впрочем, эта пословица весьма примечательна именно с точки зрения особенностей русской культуры.

Национальные культуры создали символы нормативного характера, которые одухотворяют обычаи как эталоны поведения и связанные с ними правила. Например, часто пословицы апеллируют к стыду или совести: *адәмнең ояты битендә* (букв. позор отражается на лице человека); *"белмим" дия оят түгел, белергә тырышмау оят* (букв. стыдиться надо не незнания, а нежелания знать); *ялган оят китерер* (букв. обман приведет к позору); *казан карасы*

китэ, намус карасы китми (букв. чернота котла смывается, чернота чести не смывается); *намус улемнэн көчле* (букв. честь сильнее смерти); *намусыңны яшьтэн үк сакла* (букв. береги честь смолоду) и др.

Естественно, что встречаются пословицы, которые дают прямо противоположную, взаимоисключающую оценку одному и тому же явлению действительности: *ит изгелек – көт явызлык* (букв. делаешь добро – ожидай зла); *яхшылык итсәң – юлда калмас* (букв. если сотворишь добро, оно на дороге не останется); *яхшылык итсәң – үзеңә кайтыр* (букв. сотворенное добро вернется к тебе) и др.

Вероятно, это можно объяснить, с одной стороны, сложностью и противоречивостью социального бытия человека, с другой – сами оценки трансформировались с течением времени или отражали точки зрения разных социальных слоев или групп, интересы которых часто не совпадали. Кроме того, это может быть объяснено еще и тем, что разные пословицы рождались при разных исторических условиях. Одна из татарских пословиц прямо указывает на это: *мәкальне адәм чыгармый, заман чыгара* (букв. пословицу придумывает не человек, а эпоха).

Нормы и правила поведения в пословичных выражениях могут быть выражены категорично, эксплицитно, как прямой императив: *ачу саклама, намус сакла* (букв. храни не злобу, а честь); *читкә китәсең килсә, йорт-жиреңне торгызып кит* (букв. если хочешь уехать, прежде обустрой свое хозяйство); *олыларга хөрмәт кыл, кечеләргә шәфкать кыл* (букв. почитай старших и щади младших) и др.

В то же время они могут быть преданы в завуалированном виде, имплицитно: *яңгырдан соң кояш бар, алдаудан соң оят бар* (букв. после дождя бывает солнечно, после совершения обмана – стыд); *акыл күрке сабыр* (букв. прелесть разума в выдержке) и др.

Таким образом, можно сказать, что через пословицы происходит своеобразный диалог поколений, мы становимся собеседниками и единомышленниками наших далеких предков, а они – нашими современниками. Кроме того, с помощью пословиц можно проникнуть в образ мыслей другого народа, понять в известной мере своеобразие его мышления, понять его характер.

Человеческая жизнь по определению предполагает взаимосвязь и взаимодействие между субъектами и требует регулирования человеческих отношений значимыми правилами. В центре этих правил – нормы, задающие в виде аксиом ориентиры человеческого поведения. Эти нормы носят исторически изменчивый характер и отражают не мир, как он есть, а отношение к тем характеристикам природы и социального организма, которые являются наиболее важными для человека.

Пословицы репрезентируют концепты, являющиеся значимыми в концептосфере языка. Отметим еще, что "концепты дискретны, а мир континуален. Его членение не может в точности соответствовать системе понятий. Многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, к некоторым не подходит ни один" [9: 293]. Поскольку эти концепты формируются в реальной повседневной деятельности человека, они соотносятся с наивной картиной мира, не совпадающей с научной. Следовательно, лингвокультурологическое исследование татарских паремий – необходимая ступень для описания татарской и шире тюркской наивной картины мира.

1. *Аникин В.Н.* Искусство слова в пословицах и поговорках // *Словарь русских пословиц и поговорок.* – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2002. – С.6-8.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – 384 с.
3. *Воркачев С.Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности (опыт сопоставительной паремиологии) // *Вопросы языкознания.* – 1997. – №4. – С.115-127.
4. *Тарланов З.К.* Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1993. – 222 с.
5. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.
7. *Философский словарь.* – 7-е изд. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
8. *Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко.* – М.: ИНФРА, 2003. – 576 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.

THE ROLE OF PROVERBS IN STUDYING NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

R.R.Zamaletdinov, G.F.Zamaletdinova

The authors of the article speculate on the place and role of proverbs in the analysis of the simple picture of the world.

Key words: people's mentality, proverb, proverbs' potential, simple picture of the world.

* * * * *

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, ректор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: Rector@tggpu.ru

Замалетдинова Гульнара Фандасовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сопоставительного языкознания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: ftf@tggpu.ru